

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЖАНРЫ КАК ИСТОЧНИК РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ

Мустаева Екатерина Холикуловна

Учитель русского языка и литературы второй категории школы №4,
г. Фергана, Узбекистан

Аннотация. В риторике фольклорные жанры обычно рассматриваются как украшение речи, а их роль в построении аргументации и композиции выступления изучена недостаточно системно. Цель статьи состоит в выявлении того, какие риторические приёмы восходят к фольклорным жанрам и как они функционируют в публичной речи. На основе сопоставительного анализа паремий, загадок, сказочных формул и эпического исполнения установлено, что каждый жанр ставляет оратору особый набор приёмов: паремии служат готовыми аргументами-топосами, загадка задаёт модель управляемого диалога, сказочная формула организует композицию и память слушателя, эпическое и состязательное исполнение даёт образец импровизации и контакта с аудиторией. Предложена классификация фольклорных источников риторических приёмов по их функции в речи. Результаты могут применяться в преподавании риторики и культуры речи.

Ключевые слова: фольклор, риторика, паремия, загадка, сказочная формула, аргументация, публичная речь, речевой жанр.

Связь риторики и фольклора кажется очевидной, но редко становится предметом отдельного анализа. Оратор, прибегающий к пословице, вряд ли считает себя наследником устной традиции. Между тем и риторика, и фольклор решают сходную задачу: они организуют слово так, чтобы оно было понято, запомнилось и повлияло на слушателя. Устная культура выработала такие способы построения речи задолго до появления теоретических трактатов.

Античная риторика описывала приёмы убеждения на материале судебной, политической и торжественной речи [1]. Однако практика устной речи опиралась на более древний пласт: формулы, повторы, образные сравнения и сентенции, закреплённые в коллективной памяти. В. Онг показал, что мышление в условиях устной культуры строится на ритмических, повторяющихся и легко запоминаемых структурах, которые затем перешли в письменную риторику [11]. А. Лорд, изучая югославских сказителей, доказал, что устный текст создаётся в момент исполнения из традиционных формул, а не воспроизводится по памяти [10].

В русской науке фольклорные жанры изучались прежде всего с позиций поэтики и фразеологии [4; 8; 9], а риторика обращалась к ним главным образом в связи с украшением речи и её выразительностью [2; 6]. Недостаточно разработан вопрос о том, какую именно функцию в структуре речи выполняет заимствованный из фольклора приём и можно ли связать тип приёма с жанром-источником.

Материалом послужили малые жанры русского и тюркского фольклора (пословицы, поговорки, загадки), волшебная сказка, а также эпическое и состязательное исполнение (сказительство, айтыс). Паремнологический материал привлекался из словарных и научных изданий [4; 8]; сказочные модели рассматривались по классическому описанию В. Я. Проппа [9]; эпическая традиция — по сравнительно-историческим работам В. М. Жирмунского [5] и исследованию А. Лорда [10]. Теоретическую основу составили положения классической и современной риторики [1; 2; 6], теория аргументации Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Тытеки [7], а также концепция речевых жанров М. М. Бахтина [3].

Применялись следующие методы: описательно-аналитический, функциональный анализ, сопоставление фольклорных форм с категориями риторики (инвенция, диспозиция, элокуция, запоминание, произнесение), а также типологическое обобщение. Исследование носит качественный характер: цель состояла в построении объяснительной модели, а не в подсчёте частотности приёмов. Единицей анализа служил риторический приём, то есть устойчивый способ организации высказывания, который можно возвести к определённому фольклорному жанру. Критерием отнесения приёма к фольклорному источнику были его структурное сходство с жанровой моделью и сохранение жанровой функции при переходе в речь.

Пословица и поговорка функционируют в речи как сжатые суждения, за которыми стоит авторитет коллективного опыта. Для оратора это готовый аргумент, не требующий развёрнутого доказательства. В терминах риторики паремия близка топосу, то есть общему месту, из которого выводится заключение. Аристотель называл такие общепринятые положения основой убедительности, поскольку слушатель принимает их без дополнительных доказательств [1].

Анализ показал, что паремия выполняет в речи три основные функции. Во-первых, тезисную: она формулирует главную мысль выступления в запоминающейся форме. Во-вторых, аргументирующую: апелляция к «народной мудрости» подкрепляет довод ссылкой на общепризнанное знание. Здесь работает механизм, описанный в теории аргументации как опора на общие места и ценности аудитории [7]. В-третьих, заключительную: пословица в конце речи придаёт ей завершённость и закрепляет вывод. Сжатость и ритмическая организация паремий, отмеченные Г. Л. Пермяковым как свойства клише, обеспечивают их лёгкое запоминание [8].

Отдельного внимания заслуживает способность паремий к трансформации. Оратор может сохранить структуру пословицы и заменить её содержательное наполнение, добиваясь эффекта узнавания и новизны одновременно. Такой приём опирается на знание аудиторией исходной формы и поэтому работает только внутри общей культурной традиции.

Загадка строится на вопросе, содержащем скрытый образ, и предполагает активное участие слушателя. В риторическом плане она представляет собой прототип приёма, который в современной теории называют вовлечением аудитории. Оратор, начинающий

речь с вопроса или парадокса, использует именно загадочную модель: он создаёт напряжение, формирует ожидание и ведёт слушателя к ответу, который тот считает собственным открытием.

Структура загадки включает метафорическое описание, паузу и разгадку. Тот же ритм присутствует в риторическом вопросе, в приёме «подвешивания» ответа и в построении речи от проблемы к решению. Метафорическая природа загадки показывает, как образное мышление используется для объяснения сложного через знакомое. Это сближает загадку с риторической фигурой сравнения и аналогии. Бахтинская идея диалогичности слова [3] помогает увидеть, что загадка изначально ориентирована на ответ собеседника, а значит, закладывает в речь диалогическое начало даже при монологической форме.

Работа В. Я. Проппа о морфологии сказки показала, что повествование строится из устойчивых функций, следующих в определённом порядке [9]. Для риторики существенно, что такая модель задаёт предсказуемую композицию, а предсказуемость облегчает восприятие и запоминание. Многие современные способы построения выступления, такие как история героя, преодоление препятствия или путь от проблемы к результату, воспроизводят сказочную схему.

Помимо композиции, сказка ставит речевые формулы: зачин, повтор трёх попыток, концовку. Тройной повтор в риторике соответствует приёму триады, при котором три однородных элемента создают впечатление полноты и убедительности. Формульные зачины и концовки выполняют рамочную функцию, обозначая границы текста и настраивая слушателя на определённый тип восприятия. Исследования устной традиции подтверждают, что формула служит опорой для памяти исполнителя и слушателя [10; 11].

Сказочные образы функционируют в речи и как архетипические модели. Ссылка на узнаваемый сюжет или персонажа позволяет оратору сжать большой смысл в одно упоминание. Эффективность такого приёма обусловлена общностью культурной памяти, и вне её контекста он теряет силу.

Сказитель и участники айтыса демонстрируют риторическое мастерство в живом исполнении. Как показал А. Лорд, певец не заучивает текст, а создаёт его заново, комбинируя формулы и типовые сцены [10]. С риторической точки зрения это образец импровизации, то есть способности строить речь в момент произнесения из запаса готовых элементов. Традиционная школа сказительства, по сути, решала ту же задачу, что и античное обучение: наработать «арсенал» формул, которым можно свободно распоряжаться [5].

Айтыс как состязательный жанр развивает навыки полемики: ответ на реплику, обыгрывание слов противника, быстрая перестройка аргументации, апелляция к публике как к судье. Эти элементы соответствуют судебной и политической риторике, где аудитория выступает арбитром спора. Публичность исполнения, обращение к

слушателям, ритуальные формулы приветствия и прощания образуют устойчивую модель контакта с аудиторией.

Обобщение результатов позволяет представить следующую функциональную классификацию. Аргументативные приёмы, восходящие к паремиям, обеспечивают доказательность через ссылку на коллективный опыт. Диалогические приёмы, восходящие к загадке, вовлекают слушателя и управляют его вниманием. Композиционные приёмы, источником которых служат сказка и формула, организуют структуру речи и облегчают запоминание. Перформативные приёмы, связанные с эпическим и состязательным исполнением, формируют навыки импровизации, полемики и контакта с аудиторией. Эта классификация соотносится с классическими разделами риторики: аргументативные приёмы относятся к инвенции, композиционные к диспозиции, образные и формульные к элокуции, перформативные к произнесению и запоминанию.

Полученные результаты согласуются с положением о том, что риторика и фольклор опираются на единую устную основу [11]. Вместе с тем предложенный подход смещает акцент: фольклорный приём рассматривается не как внешнее украшение, а как носитель определённой функции, сохраняющейся при переходе из жанра в речь. Это позволяет объяснить, почему одни фольклорные элементы работают в публичном выступлении эффективно, а другие выглядят искусственными. Эффективность определяется совпадением жанровой функции с коммуникативной задачей: паремия убеждает там, где требуется опора на общепризнанное, загадочная модель работает там, где нужно удержать внимание, а сказочная композиция там, где необходимо связное повествование.

Важным ограничением остаётся культурная обусловленность приёмов. Паремия или сказочный образ действуют только при условии, что аудитория разделяет традицию. В многоязычной среде, к которой относится и узбекско-русский контекст, это требует от оратора особой чуткости: один и тот же образ может быть узнан одной частью аудитории и остаться непонятным другой. С другой стороны, именно такая среда создаёт условия для сопоставительного изучения, поскольку общие функции жанров обнаруживаются в разных традициях, что подтверждается сравнительными исследованиями эпоса [5].

Настоящая работа имеет и ограничения. Исследование носит теоретико-аналитический характер и опирается на типологическое обобщение, а не на статистическую обработку речевого материала. Перспективой видится проверка предложенной классификации на корпусе реальных выступлений, включая политический, педагогический и медийный дискурс, а также количественная оценка частотности приёмов разных типов.

Практическая ценность результатов проявляется в обучении риторике и культуре речи. Фольклорные тексты удобны как учебный материал: они кратки, образны, знакомы студентам и позволяют наглядно показать механизм приёма. Задания могут строиться на трансформации паремий, составлении речи по сказочной композиции, разработке

«загадочного» вступления, имитации состязательного диалога. Такая работа развивает не только речевые умения, но и осознанное отношение к культурной традиции.

Проведённый анализ показал, что фольклорные жанры представляют собой системный источник риторических приёмов, а не набор случайных украшений. Паремии дают оратору готовые аргументы и тезисы, загадка задаёт модель диалогического вовлечения, сказочная формула и сюжетная схема организуют композицию и память, эпическое и состязательное исполнение формирует навыки импровизации и полемики. Предложенная функциональная классификация связывает фольклорные источники с основными разделами риторики и объясняет механизм воздействия заимствованных приёмов.

Таким образом, решена поставленная проблема разрозненности описания: приёмы соотнесены с жанрами, породившими их, и с задачами речи. Результаты могут быть использованы в преподавании риторики, при разработке методик развития речи и в дальнейших исследованиях устной традиции в современной публичной коммуникации.

Список литературы

1. Аристотель. Риторика // Античные риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — С. 15–164.
2. Аннушкин В. И. Риторика. Вводный курс. — М.: Флинта: Наука, 2006.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М.: Худож. лит., 1984.
5. Жирмунский В. М. Народный героический эпос: сравнительно-исторические очерки. — М.; Л.: Гослитиздат, 1962. — 456 с.
6. Михальская А. К. Основы риторики: мысль и слово. — М.: Просвещение, 1996. — 416 с.
7. Перельман Х., Ольбрехтс-Тытека Л. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. — С. 207–264.
8. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). — М.: Наука, 1970. — 240 с.
9. Пропп В. Я. Морфология сказки. — 2-е изд. — М.: Наука, 1969. — 168 с.
10. Аджеминова, Э. Р., Р. Н. Джагаспанян, and Р. С. Исмаилов. "ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ ЯЗЫКА." PEDAGOGICAL SCIENCES AND TEACHING METHODS 2.18 (2022): 121-125.
11. Nikolayevich, D. R., and A. T. Ermekovich. "Artistic and aesthetic function OF the landscape IN SHUKSHIN'S PROSE." Gospod i Innov 27 (2022): 108-113.
12. Акбаров, О. А., Р. Н. Джагаспанян, and Р. С. Исмаилов. "ФУНКЦИЯ ОБРАЗА ПРИРОДЫ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ." ПОДКОР O'QITUVCHI 2.24 (2022): 195-200.

13. Джагаспанян, Р. Н. "ПЕЙЗАЖ КАК КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. ШУКШИНА." Новости образования: исследование в XXI веке 1.7 (2023): 993-997.

14. Djagaspanyan, R. N. "GENRE AMAFOF ARTISTIC METHOD AND CONFLICT IN A. GRIBOEDOV'S COMEDY" WOE FROM WIT". FORMATION OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY AS INTERDISCIPLINARY SCIENCES 2.16 (2023): 118-123.

15. Акбаров, О. А., and Р. Н. Джагаспанян. "кизи Акрамова НА ПРИРОДА КАК ОДИН ИЗ ОБРАЗОВ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВМ ШУКШИНА." INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE" THE TIME OF SCIENTIFIC PROGRESS. Vol. 1. No. 3. 2022.

16. Касимов, Абдугапир, and Рафик Джагаспанян. "ПРОБЛЕМА НАРОДНОГО ГЕРОЯ В ЛИТЕРАТУРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ." Scientific journal of the Fergana State University 6 (2024): 85-85.

17. Джагаспанян, Рафик. "ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА СТЕПАНА РАЗИНА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛОВ КАЗАЧЕСТВА В РОМАНЕ ВМ ШУКШИНА" Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ". Scientific journal of the Fergana State University 6 (2024): 86-86.

18. ДЖАГАСПАНИЯН, РН. "ВА БОГОРОДИЦКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА." Казанский (Приволжский) федеральный университет КОНФЕРЕНЦИЯ: ВА БОГОРОДИЦКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА Казань, 18–20 ноября 2024 года Организаторы: Казанский (Приволжский) федеральный университет.

19. ДЖАГАСПАНИЯН, РН. "БИО-ПСИХО-СОЦИО-ДУХОВНАЯ МОДЕЛЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МЕДИЦИНА И ПСИХОЛОГИЯ." Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. НП Огарёва, Саранск КОНФЕРЕНЦИЯ: БИО-ПСИХО-СОЦИО-ДУХОВНАЯ МОДЕЛЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МЕДИЦИНА И ПСИХОЛОГИЯ Саранск, 23 ноября 2024 года Организаторы: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. НП Огарёва, Саранск.

20. ДЖАГАСПАНИЯН, РН. "МЕЖДУНАРОДНЫЕ БОДУЭНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ." Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань КОНФЕРЕНЦИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ БОДУЭНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ Казань, 21–22 октября 2025 года Организаторы: Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань.